

Постоянное представительство
Российской Федерации
при Организации
Объединенных Наций

136E 67th Street
New York, NY 10065

Permanent Mission
of the Russian Federation
to the United Nations

Phone: (212) 861-4900
Fax: (212) 628-0252
517-7427

Check against delivery

ВЫСТУПЛЕНИЕ
представителя Российской Федерации
в Шестом комитете 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН
по пункту повестки дня «Доклад Комиссии международного права»
(Темы: «Временное применение договоров», «Императивные нормы
общего международного права (jus cogens)»)

26 октября 2018 года

Г-жа Председатель,

Приветствуем представленный на сессии Комиссии пятый доклад Спецдокладчика Х.М.Гомес-Робледо по теме **«Временное применение договоров»**, цель которого состояла в исследовании, помимо прочего, вопросов прекращения временного применения договора вследствие его нарушения и оговорок к временно применяемому договору. В этой связи хотели бы отметить два момента.

Интерес к теме временного применения договоров, становящейся год от года все более актуальной, носит практический характер. Вместе с тем налицо тенденция все более активных попыток включения положений о временном применении в международные договоры.

Законодательство Российской Федерации о международных договорах, основанное на положениях Венской конвенции о праве международных договоров, допускает временное применение. Общее число международных договоров, временно применяемых Российской Федерацией, остается относительно неизменным – таких договоров около сотни. Убеждены, однако, что данный институт носит исключительный характер и должен использоваться только в тех случаях, когда существует реально насущная потребность начать выполнение международного договора, не дожидаясь его вступления в силу. Правовая служба российского МИД старается выдерживать эту линию. Тем не менее, постоянно возникают практические вопросы самого разнообразного характера.

Допустим, в рамках региональной организации экономической интеграции возникает необходимость предусмотреть в международном договоре положение о его временном применении. Но законодательство одного из членов этой организации не допускает временного применения договоров. Интересы интеграции требуют того, чтобы договор начал применяться всеми государствами-членами организации одновременно. Как быть? Можно, конечно, предусмотреть, что для государства, которое не может временно применять договор, он становится обязательен с момента выражения согласия на обязательность договора. Однако и в таком случае возникает неопределенность в вопросе о правовой природе обязательств, существующих у этого государства в период между выражением согласия на обязательность договора и его вступлением в силу.

Еще один вопрос. В соответствии со статьей 25 Венской конвенции о праве международных договоров (которая нашла свое отражение в проекте руководящего положения 9) временное применение договора, как общее правило, прекращается, если государство уведомит другие временно применяющие договор государства о своем намерении не стать участником договора. Предположим, например, такую ситуацию: государство выразило согласие на обязательность временно применяемого договора, но еще до его вступления в силу решило не становиться участником договора. Должно ли оно отзывать согласие на обязательность договора и одновременно уведомлять о намерении не становиться участником договора; или только отзывать согласие на обязательность договора; или только уведомлять о намерении не становиться участником договора?

Недавно столкнулись с еще одним интересным эпизодом. Россия прекращала временное применение многостороннего международного договора, уведомив депозитария о намерении не становиться его участником. При этом депозитарий договора интерпретирует ситуацию таким образом, что временное применение договора Россия прекратила, но остается связанной обязательствами, вытекающими из подписания договора. Со своей стороны исходим из того, что направление уведомления о намерении не становиться участником договора не только прекращает его временное применение, но и снимает с государства обязательства, вытекающие из подписания. Тем не менее, предмет для исследования есть и в этом вопросе.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, на наш взгляд, о неисчерпаемости темы временного применения. Убеждены, однако, что действительно полезным будет ее исследование на основе практических вопросов. В этом ключе планируем подготовить комментарии Российской Федерации к одобренному Комиссией проекту руководящих положений, распространенному Генеральным секретарем среди государств-членов.

Переходим ко второму соображению. По ходу рассмотрения темы в Комиссии и ее итогам стала прорисовываться тенденция к размыванию различий между временным применением договоров и их действием. К временно применяемому международному договору имеется в виду применять практически все институты права международных договоров – и оговорки, и прекращение по основаниям, предусмотренным для прекращения или приостановления действия договоров. Складывается впечатление, что мы хотим сделать временное применение договоров как можно более удобным для их участников. Считаем, что к этому следует подходить с осторожностью. Пролиферация режима временного применения договоров и его удобство может привести к замещению действия международных договоров их временным применением, что негативно скажется на стабильности договоров и, как следствие, всей международной правовой системы.

Г-жа Председатель,

Хотели бы поблагодарить Спецдокладчика Д.Тлади за обстоятельный и интересный третий доклад по теме **«Императивные нормы общего международного права (jus cogens)»**, в котором рассмотрен один из наиболее сложных вопросов, а именно – последствия императивных норм.

Наша делегация разделяет подход Комиссии, в соответствии с которым в основе работы над этой темой лежит Венская конвенция о праве международных договоров. В этой связи мы поддерживаем проект вывода 11, в предварительном плане представленный в приложении к докладу председателя Редакционного комитета, в тексте которого было решено не использовать понятие «недействительности» договора наряду с «ничтожностью» договора в пользу исключительно «ничтожности» договора, что, на наш взгляд, отвечает Венской конвенции о праве международных договоров и способствует единообразию в использовании терминов.

Считаем, что вопрос последствий императивных норм общего международного права для толкования договоров является чрезвычайно важным. В этой связи российская делегация приветствует намерение Комиссии, выраженное в докладе председателя Редакционного комитета, относительно возможного выделения пункта 3 проекта вывода 10 в отдельный проект вывода, с целью закрепления общего правила толкования, совместимого с императивными нормами общего международного права. При этом мы исходим из того, что существующий текст будет соответствующим образом доработан с учетом релевантных положений Венской конвенции о праве международных договоров, которые Спецдокладчик упоминает в своем докладе.

Между тем, мы не уверены, что сфера охвата рассматриваемой темы подразумевает необходимость включения в проект выводов механизм урегулирования споров, предполагающий обращение в Международный Суд (проект вывода 14). Как представляется, это не совместимо с общей ненормативной формой проекта выводов.

Не можем разделить и рассуждения Спецдокладчика относительно того, насколько оправданно толкование Венской конвенции о праве международных договоров, в соответствии с которым не предполагается наделение правом обращения в Международный Суд государств, непосредственно не участвующих в договоре. В этой связи нам представляется неприемлемым предложение Спецдокладчика, заключающееся в том, чтобы любой спор относительно того, противоречит ли договор норме *jus cogens*, передавался на решение Международного Суда, подразумевая при этом любое государство, не являющееся стороной договора.

Как представляется, такое предложение явным образом не является отражением *lex lata* и не обусловлено наличием некой предпосылки для формирования *lex ferenda*.

Российская делегация придерживается позиции, в соответствии с которой следует избегать толкования Венской конвенции, отличного от смысла, заложенного в ней.

Кроме того, следует учитывать тот факт, что к статье 66 Венской конвенции о праве международных договоров, которой предусмотрена процедура судебного разбирательства, государствами было сделано значительное число оговорок.

Вызывает вопросы позиция Спецдокладчика в отношении правила о настойчиво возражающем государстве, которое, по его мнению, неприменимо к нормам *jus cogens* (пункт 3 проекта вывода 15). Как признает Спецдокладчик, с точки зрения доктрины, вопрос заключается в том, существует ли сама возможность возникновения нормы *jus cogens*, если имеется последовательно возражающая сторона.

Несмотря на то, что в своем докладе Спецдокладчик подчеркнул особую роль и значение резолюций Совета Безопасности ООН и признал несопоставимость этих резолюций с резолюциями других международных организаций, то, каким образом в итоге был сформулирован проект вывода 17, как представляется, говорит об обратном. Текущая редакция обозначенного проекта вывода может быть прочтена, как допускающая возможность отказаться от исполнения резолюций Совета Безопасности ООН.

Хотя, как верно отметил Спецдокладчик, в настоящий момент по вопросу соответствия резолюций Совета Безопасности ООН, в том числе нормам *jus cogens*, ведутся дискуссии, они, скорее, носят теоретический характер и не подкреплены какой-либо практикой. Выводы же Комиссии, способные привести к неправильному их толкованию, могут нанести серьезный урон деятельности Совета Безопасности ООН.

Наибольшую обеспокоенность нашей делегации вызывают проекты выводов 22 и 23.

Считаем, что рассмотрение вопросов, связанных с уголовной ответственностью и иммунитетами должностных лиц, явным образом находится за пределами сферы охвата настоящей темы, а их включение в проект выводов, по меньшей мере, необоснованно с точки зрения того, что в настоящий момент иммунитеты должностных лиц являются предметом отдельного исследования, проводимого в рамках Комиссии.

Не уверены, что параллельное рассмотрение вопросов одного порядка является верным с точки зрения методологии, а также установленной процедуры работы Комиссии, в особенности принимая во внимание отсутствие единогласия как среди членов Комиссии, так и среди государств по различным аспектам, имеющим отношение к теме иммунитетов должностных лиц государств.